

Колпаков П. А. Повседневная служебная деятельность офицера внутренней стражи Российской империи в середине XIX века / П. А. Колпаков // Научный диалог. — 2017. — № 11. — С. 369—380. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-369-380.

Kolpakov, P. A. (2017). Daily Service Activity of Inner Guard Officer in the Russian Empire in the Middle of 19th Century. *Nauchnyy dialog*, 11: 369-380. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-369-380. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 94(47).07:342.745

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-369-380

Повседневная служебная деятельность офицера внутренней стражи Российской империи в середине XIX века

© Колпаков Петр Александрович (2017), orcid.org/0000-0002-1600-9937, аспирант кафедры истории, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московский авиационный институт Национальный исследовательский университет (Москва, Россия), 1kolpakov1@rambler.ru

Целями данной статьи являются: (1) разграничение категорий «повседневное» и «нормальное» на основе результатов изучения архивных материалов, отражающих повседневную деятельность военнослужащих Внутренней стражи, в частности, совершавшихся ими дисциплинарных и правовых нарушений; (2) выявление особенностей повседневной деятельности внутренних войск Российской империи по направлениям: кадрового обеспечения армии, обеспечения общественного порядка, межличностных отношений офицеров. Для достижения обозначенных целей использовались методы исторического исследования: системный, нарративный. Автор утверждает, что незначительные нарушения военнослужащими Отдельного корпуса Внутренней стражи дисциплины и нормативных актов имели повседневный характер, но при этом повторяемость не легализовывала их, то есть не приводила в соответствие норме поведения. Деятельность Внутренней стражи в направлении обеспечения общественного порядка, ограничения доступа граждан в питейные заведения могла приносить владельцам таких заведений убытки. Примечательно, что превышение полномочий офицером Внутренней стражи (подпоручиком Стрижевским) при реализации таких действий было пресечено лишь военным и гражданским начальством на уровне губернии. Отмечен повседневный характер практики уклонения населения от призыва на военную службу посредством заключения непредусмотренных правовыми нормами договоренностей с офицерами, осуществлявшими прием новобранцев. Выявлена практика взаимодействия командиров подразделений внутренних войск по вопросам информиро-

вания о личностных качествах военнослужащих, переводящихся из подразделения в подразделение.

Ключевые слова: внутренние войска; Внутренняя стража; Отдельный корпус Внутренней стражи; рекруты; история повседневности; правоохранительные органы; Военное министерство; общественная безопасность; Российская империя; XIX век.

1. Введение

События истекшего XX века привели к своеобразному перевороту в отечественной историографии: вместо привычных, ставших уже традиционными, тем исследований на первый план выдвинулись совершенно новые, одной из которых стала история повседневности [Аверьянов, 2003, с. 10]. Исследователи обращаются к различным временным и пространственным границам повседневности, рассматривая многообразные аспекты будничной жизни людей [Банникова, 2011, с. 21]. Общеизвестным стало то мнение, что к повседневности относятся социальные явления и индивидуальные состояния, классифицируемые в качестве обычных, обиходных, то есть не принадлежащих к явлениям однократным, необычным или харизматическим [Банникова, 2011, с. 22]. Австрийский социолог Альфред Шюц в своей работе «Смысловая структура повседневного мира» развивает идею о том, что в организации социального мира людьми, живущими в нем, обнаруживаются зачатки системы типов и типических отношений. Типизация возрастает по мере того, как личность спутника (человека или группы, с которыми осуществлялось взаимодействие или присутствует какая-либо связь: родственная, соподчинения и др.) исчезает в нераскрытой анонимности его функции [Шюц, 2003, с. 171]. Функция становится анонимной не по причине того, что отсутствует знание об ее исполнителе (вследствие повторяемости события знание об исполнителе функции, действия которого и составляют основу повторяемого события, напротив, может расширяться), а по причине того, что исполнение функции становится малозаметным в своей привычности.

Необходимо отметить, что повседневность, безусловная для всех людей, которые в течение своей жизни множество раз выступают и в роли исполнителей неких обыденных функций, и в роли потребителей результата их выполнения, не является для всех одинаковой по значению и содержанию. Так обеспечение общественного порядка полицейским чином или чином Внутренней стражи с течением времени становилось обыденным для самого исполнителя этой функции ввиду повторяемости выполняемых операций, значительности массы людей, с которыми необходимо

было взаимодействовать при исполнении этой функции. В частности, по причине многочисленности людей, с которыми необходимо было взаимодействовать при исполнении функции обеспечения общественной безопасности, в восприятии ее исполнителем окружающего мира усиливалась типизация и схематичность объяснений причин тех или иных действий, вследствие чего характер их воспринимался как обыденный. Так обыденной для стража порядка становилась драка около питейного дома или постоянная борьба с кормчеством. С другой стороны, исполнение, например, функции охраны порядка военными Внутренней стражи, для которых она стала повседневной, для обывателя, впервые наблюдавшего со стороны за «рассеянием законом запрещенных скопищ», выходило за рамки повседневности и носило событийный характер. Таким образом, «потребление» результата исполнения функции, повседневной для ее носителя, могло носить событийный характер для человека, наблюдавшего за событием, в основе которого находилось исполнение таковой функции. Разумеется, функция обеспечения общественной безопасности не могла сводиться для ее исполнителя к однородной повседневности: ввиду специфики деятельности, направленной на охрану государственного устройства и порядка, она была наполнена событиями, выделявшимися из повседневности, которые на ее фоне становились «критическими» точками служебной деятельности.

Изучение истории повседневности правоохранительных органов на этапе их зарождения представляется целесообразным по причине необходимости оценки их организации и деятельности на микроуровне. Анализ «микроистории» Внутренней стражи, раскрывающейся в судьбах ее военнослужащих и офицеров — незначительных, «незамечательных» людей, кроме получения исторического описания деятельности военнослужащих внутренних войск Российской империи, ценного как такового, позволяет сопоставить результаты мероприятий, направленных на строительство и организацию деятельности Внутренней стражи Российской империи, с целями, на которые они были направлены. Не только из решений по вопросам обеспечения внутренней безопасности государства, принимавшихся императором, инспектором Внутренней стражи, а в дальнейшем — командиром Отдельного корпуса Внутренней стражи, окружными и бригадными генералами Внутренней стражи складывалась работа внутренних войск: ежедневные задачи выполнялись рядовыми исполнителями, в их поступках и отношении к служебной деятельности раскрывались не только их личностные качества, но и степень отлаженности и работоспособности всего механизма войск правопорядка.

2. Дифференциация категорий «повседневности» и «нормы» в контексте истории Внутренней стражи

Изучение истории повседневности Внутренней стражи Российской империи ставит перед исследователем вопрос дифференциации категорий «повседневного» и «нормального». Создание в Российской империи войск Внутренней стражи, в 1816 году преобразованных в Отдельный корпус Внутренней стражи (ОКВС), было обусловлено рядом объективных причин, в частности, необходимостью обеспечения внутренней безопасности государства и вместе с тем снижения нагрузки на армию при выполнении задачи ее пополнения. Такое положение вещей стало следствием формирования подразделений Внутренней стражи по «остаточному принципу», порочность которого выразилась в нарушениях нижними чинами и офицерами внутренних войск дисциплины, порядка конвоирования и охраны арестантов, формирования рекрутских партий, в сбоях в достаточном материальном обеспечении Внутренней стражи, совершении военными тяжких преступлений [Колпаков, 2015а, с. 2687]. К середине 1811 года были высочайше утверждены проекты Военного министерства об организационной структуре, системе управления, обязанностях и порядке применения Внутренней стражи [200 лет на страже ..., 2011, с. 12; Бунин и др., 2015, с. 15—16]. Внутренняя стража в аспекте нарушения военными дисциплины и правовых норм являлась проблемной подсистемой Военного министерства. Нарушение военными правовых актов, как регламентирующих его служебную деятельность, так и общеприменительных для всех граждан, является событием, выходящим за пределы «нормы», если под «нормой» мы понимаем поведение, содержание и направленность которого соответствует правилам его контроля, принятым обществом и государством. Анализ материалов, находящихся в Российском государственном военно-историческом архиве, позволяет сделать вывод о том, что нарушения воинской дисциплины, порядка несения службы были для Внутренней стражи явлением обыденным. Однако обыденный характер не легализовывал неправомерные поступки военными, не приводил их в соответствие «норме» поведения и несения службы. Проблема таковых нарушений была свойственна не только Внутренней страже, но и всей армии, но, ввиду специфики организации механизма комплектования внутренних войск, для них эта проблема носила особенно актуальный характер. Таким образом, результаты изучения истории повседневности Внутренней стражи Российской империи, в частности дисциплинарных и правовых нарушений, совершенных военными войсковым порядком, позволяют нам разграничивать понятия «нормального» и «повседневного», нередко раскрываемые как синонимичные.

3. Повседневность служебной деятельности чинов

Внутренней стражи в «микроистории» подпоручика Стрижевского

Как уже было указано в данной статье, повседневность внутренних войск на этапе их зарождения наиболее содержательно раскрывается в «микроисториях» солдат и офицеров Внутренней стражи Российской империи. Перечень функциональных обязанностей Внутренней стражи определялся «Положением для Внутренней стражи» от 3 июля 1811 года. Перечень этот включал широкий круг обязанностей Внутренних войск, которые разделялись на «воинские» и «в отношении губернского начальства» [Колпаков, 2015б, с. 95—96]. В ходе изучения фонда 669 «Окружной генерал 4 округа Внутренней стражи» Российского государственного военно-исторического архива, в частности дела № 4 «О неправильных действиях Самарского гарнизонного батальона», был выявлен ряд документов: рапортов, писем, докладов, отражающих служебную повседневность подпоручика Самарского гарнизонного батальона Внутренней стражи Стрижевского. Рассмотрение содержания служебной повседневности этого офицера позволяет на микроуровне изучить исполнение некоторых функций внутренних войск, входящих в перечень, определенный «Положением для Внутренней стражи» от 3 июля 1811 года, а именно: охранение порядка, формирование и сопровождение рекрутских партий. Также выявленные документы, содержащие информацию о служебной повседневности поручика Стрижевского, отражают характер межличностных отношений офицеров Внутренней стражи, в частности: Казанского и Самарского внутренних гарнизонных батальонов. Целью статьи является изучение указанных аспектов повседневной деятельности внутренних войск Российской империи. Методы исследования: системный (предполагающий вычленение отдельных элементов разного уровня: подразделений и военнослужащих, объединенных устойчивыми связями в рамках системы — Внутренней стражи, определение характера отношений между элементами внутри системы и взаимодействий с внешней по отношению к системе средой); нарративный (описательный).

Подпоручик Стрижевский вольноопределяющимся поступил на службу 29 декабря 1841 года, первое офицерское звание получил 13 марта 1848 года, а чин подпоручика — 30 июня 1851 года. В походах подпоручик Стрижевский не участвовал, а за исправный отвод рекрутских партий был награжден орденом Святой Анны 3-й степени. Подпоручик имел родовое имение (в отличие от многих офицеров Отдельного корпуса Внутренней стражи, для которых жалование было единственным источником дохода) и 58 душ крестьян [РГВИА, ф. 669, оп. 1, ед. хр. 4, л. 53—54].

В 1853 году подпоручик Стрижевский, служивший в Самарском внутреннем гарнизонном батальоне Отдельного корпуса Внутренней стражи, был командирован в военное присутствие города Николаевска Самарской губернии военным приемщиком, в задачи которого входило участие в освидетельствовании новобранцев и препровождение рекрутских партий [РГВИА, ф. 669, оп. 1, ед. хр. 4, л. 1—2].

Преследуя цель предупреждения нарушений общественной безопасности, сопряженных с посещением новобранцами питейных заведений, а также стремясь избежать появления в военном присутствии пьяных призывников, освидетельствование которых вследствие их состояния затягивалось, поручик Стрижевский решает принять превентивную меру, а именно выставить караулы в питейных заведениях города Николаевска. Решение военного приемщика стало причиной убытков, которые понесли питейные заведения, поскольку среди местных жителей распространился слух о том, что выставленные в питейных заведениях караулы не позволяют никому приобретать вина. О последствиях действия поручика Стрижевского комиссионер Николаевского и Новоусенского акцизно-откупного комиссионерства санкт-петербургский купец Алексей Матвеев-Третьяков сообщал в своей докладной записке на имя самарского гражданского губернатора, что 8 ноября 1853 года от сидельцев питейных домов уездного города Николаевска стало известно о нахождении в таковых заведениях солдат, приставленных для караула. Купец счел такое донесение неосновательным и после того, как его поверенными лицами была подтверждена информация о нахождении караулов в питейных домах, отправился убедиться в этом лично. Обнаруженные им в Мечетном питейном доме двое солдат находились прямо у стойки в шинелях и киверах, а посетители питейного дома рассказали купцу о том, что в заведение приходил офицер и распоряжался караулом. Солдаты, обнаруженные купцом в питейном доме были представлены в полицию для допроса, а Николаевское акцизно-откупное комиссионерство обратилось к Николаевскому городничему с просьбой «исследования и поступления с виновными, нарушающими Высочайше утвержденное об Акцизно-откупном комиссионерстве постановление, по законам и положения на будущее время преграды таким противозаконным Г. Стрижевского и солдат действиям, и тем избавить Николаевское Акцизно-Откупное Комиссионерство от неминуемых чрез такие незаконные действия убытков и расстройств». Однако и после обращения к городничему Николаевска солдаты продолжали прибывать в питейные заведения для несения караульной службы: «9-го числа в 9 часу вечера, вновь в Мечетный питейный дом явился солдат Василий Валахов, и, как

объявил, для караула, и между тем завел муть в питейном доме, и случившийся тут поверенный Николаевского Акцизно-откупного Комиссионерства Гордеев вынужден был отправить этого солдата на городскую гауптвахту, на которой Валахов и был взят Ефрейтором Николаевской инвалидной команды Сморохиным и солдатом Пономаренко. 10 числа утром вновь в тот же Мечетный питейный дом явились солдаты, и, как они объявили, для караула, но эти солдаты, на основании Высочайше утвержденного об Акцизно-откупном Комиссионерстве положения, поверенными и сидельцами были из питейного дома высланы, но и по высылке из питейного дома, они оставались возле самого питейного дома на карауле» [РГВИА, ф. 669, оп. 1, ед. хр. 4, л. 7—9].

Самоуправство подпоручика Стрижевского не ушло от внимания командования Отдельным Корпусом Внутренней стражи: о действиях офицера Самарского внутреннего гарнизонного батальона губернатором было сообщено окружному генералу корпуса генерал-майору Фридриху Гавриловичу Реми. Реакция последовала незамедлительно: в своем рапорте на имя генерала Ф. Г. Реми командир Самарского внутреннего батальона майор Магнушевский докладывал окружному генералу, что командированный в Николаевское рекрутское присутствие военным приемщиком подпоручик Стрижевский не оправдал данного ему доверия, вследствие чего был отозван и удален от должности батальонного адъютанта. Действия подпоручика Стрижевского командиром Самарского батальона характеризовались следующим образом: «вовсе к обязанностям его не относящимся и противными Высочайше утвержденным правилам для откупов», а от увольнения подпоручика, по мнению майора Магнушевского, «для батальона вовсе никакой потери не будет» [РГВИА, ф. 669, оп. 1, ед. хр. 4, л. 1—2; 11—11 об.].

Примечательно, что, будучи откомандированным в город Николаевск Самарской губернии военным приемщиком, подпоручик Стрижевский, опираясь на силовую поддержку военнослужащих, получил достаточно широкие возможности для реализации возложенной им функции: приема рекрутов и, как сопутствующей, обеспечения общественного порядка в целях нивелирования возможности буйств в ходе набора пополнения. При этом пресечение превышения офицером Внутренней стражи своих полномочий оказалось возможным только после осуществления взаимодействия руководителей губернского уровня: окружного генерала Внутренней стражи и гражданского губернатора. МВД было произведено дознание по действиям, совершенным военным приемщиком, откомандированным в г. Николаевск Самарской губернии, на основании результатов которого

исполняющий обязанности Самарского гражданского губернатора Грот обратился к командиру Самарского внутреннего гарнизонного батальона с просьбой «внушить Г. Стрижевскому, чтобы на будущее время не превышал вверенной ему власти и не вмешивался в дела, которые не подлежат его ведомству» [РГВИА, ф. 669, оп. 1, ед. хр. 4, л. 18—18 об.].

Еще одним показательным моментом деятельности подпоручика Стрижевского в бытность военным приемщиком является непосредственно взаимодействие с рекрутами и их близкими.

24 декабря 1853 года командиру Самарского батальона Внутренней стражи майору Магнушевскому исполняющим обязанности Самарского губернатора было сообщено, что «государственный крестьянин Николаевского уезда Дуткин подал здешнему Жандармскому Штаб-офицеру прошение, в котором жалуется на подпоручика Стрижевского за взятие с него во время рекрутского набора 100 рублей серебром» [РГВИА, ф. 669, оп. 1, ед. хр. 4, л. 17—17 об.].

При производстве по обращению крестьянина Дуткина следственных действий было выяснено, что «когда достался шурина его [Дуткина] Ермолаю Пошидаеву очередной жребий идти в рекруты, — тогда он, Ермолай, и в особенности брат Ермолая, Степан Пошидаев, просили Дуткина по родству попросить, кого следовало об освобождении их от рекрутства, а как он им зять, то поэтому отправился с ними вместе в город Николаевск для объясненной надобности». Показания Дуткина и Ермолая Пошидаева расходились в различных аспектах, в частности, в обстоятельствах передачи денег Пошидаевым — Дуткину и в отношении денежных знаков, в которых передавалась сумма в размере 100 рублей [РГВИА, ф. 669, оп. 1, ед. хр. 4, л. 44—45 об.; 47—49]. После проведения очной ставки между Дуткиным и Пошидаевым было дано заключение о том, что «Дуткин по коварному замыслу, взявши с своего шурина деньги искал только средства удержать их у себя и используясь переменою его, Стрижевского, другим Офицером, употребил неприятности, полученные Стрижевским» [РГВИА, ф. 669, оп. 1, ед. хр. 4, л. 50].

Эта «микроистория» примечательна не столько хитростью крестьянина Дуткина, присвоившего деньги своего родственника и обвинившего в этом офицера Внутренней стражи, сколько поведением самого Пошидаева, обратившегося за помощью к более «прозорливому» родственнику в вопросе освобождения от службы. Учитывая сам факт этого обращения Пошидаева, можно сделать вывод о том, что практика получения возможности уклонения от приема на военную службу не была уникальным явлением, а реализация такой возможности, по мнению обывателя, была осу-

щества при наличии денежных средств и умения находить и убеждать лиц, принимающих решения по данному вопросу. Таким образом, обращение крестьянина Ермолая Пошидаева к своему родственнику Дуткину является еще одним примером, подтверждающим несинонимичность категорий «нормальности» и повседневности.

В контексте рассмотрения взаимоотношений между офицерами Внутренней стражи, как одного из аспектов истории повседневности внутренних войск Российской империи, представляется целесообразным обратить внимание на практику секретной переписки, имевшей место между командирами подразделений, по поводу характеристик личностных качеств, переводящихся из батальона в батальон офицеров.

4. Переписка руководителей подразделений Внутренней стражи как неформальный канал передачи информации о неблагонадежных чинах

21 апреля 1852 года командиру Самарского внутреннего гарнизонного батальона майору Магнушевскому от командира Казанского внутреннего гарнизонного батальона полковника Корейши поступило письмо следующего содержания: «Высочайшим приказом в 3 день февраля сего года вверенного мне батальона Подпоручик Стрижевский переведен во вверенный Вам батальон. Офицер этот, находясь во вверенном мне батальоне, забыв долг подчиненности по строптивому своему характеру, сделал на меня донесение Окружному Генералу, которое вовсе не оправдалось в справедливости и найдено Его Превосходительством, что таковое сделано им, Стрижевским, от строптивного характера» К письму с отметкой «секретно» полковник Корейша приложил копию рапорта подпоручика Стрижевского и копию предписания, вынесенного по этому рапорту, окружным генералом Внутренней стражи Мандрыкой [РГВИА, ф. 669, оп. 1, ед. хр. 4, л. 19—19 об.]. В своем рапорте на имя полковника Корейши подпоручик Стрижевский указывает на оскорбления, нанесенные ему полковником Корейшей вследствие того, что он, Стрижевский, ожидая командира Казанского батальона, позволил себе закурить в приемной его кабинета, оправдывая это тем, что курил он по указанию врачей. Завершает свой рапорт подпоручик просьбой сообщить о факте оскорбления вышестоящему начальству: «Так как обида, понесенная мне со стороны Вашего Высокоблагородия, с тяжким оскорблением чести Офицера в присутствии многих Офицеров, то долгом считаю всепокорнейше просить Ваше Высокоблагородие настоящий рапорт мой в подлиннике представить на благоусмотрение Высшего начальства» [РГВИА, ф. 669, оп. 1, ед. хр. 4,

л. 20—21 об.]. Однако вопреки ожиданиям подпоручика Стрижевского его рапорт не вызвал ожидаемой им реакции. Окружной генерал 4-го округа корпуса Внутренней стражи Николай Яковлевич Мандрыка предписанием указал полковнику Корейше, что «за дозволение им [Стрижевским] себе дерзости против начальника и оправдания, — следовало бы арестовать его на месяц, а не на трое суток; — и что на этот только раз, я ограничиваюсь сделанным ему Вами снисходительным взысканием, о чем внушить ему с строгим подтверждением: обуздывать впредь свою вольность, быть деликатнее и не нарушать долга почтения к начальству, — под опасением за противное ответственности по всей строгости законов» [РГВИА, ф. 669, оп. 1, ед. хр. 4, л. 22—23 об.].

Таким образом, ознакомившись с содержанием письма полковника Корейши, командир Самарского батальона при переводе подпоручика Стрижевского в его подразделение был осведомлен о некоторых личностных качествах прибывшего офицера. Осуществление секретной переписки между командирами подразделений давало им возможность превентивных действий в отношении ненадежных или опорочивших себя военнослужащих, в частности, их откомандирования, непривлечения к выполнению ответственных задач.

5. Выводы

Незначительные нарушения военнослужащими Отдельного корпуса Внутренней стражи дисциплины и нормативных актов носили повседневный характер, но при этом их повторяемость не легализовывала их, то есть не приводила в соответствие норме поведения и деятельности. Повседневность деятельности внутренних войск на этапе их зарождения наиболее содержательно раскрывается в «микроисториях» солдат и офицеров Внутренней стражи Российской империи. На примере служебной повседневности подпоручика Самарского батальона Отдельного корпуса Внутренней стражи Стрижевского в данной статье были затронуты вопросы существования трудностей с обеспечением общественной безопасности при наборе рекрутов; разрешением вопросов, связанных с превышением полномочий служащими Внутренней стражи при обеспечении общественного порядка, на уровне губернского и окружного гражданского и военного руководства; представлены документальные доказательства, указывающие на наличие обеспечивавших коммуникацию офицеров Внутренней стражи, а именно командиров подразделений, каналов связи, по которым передавалась информация, становившаяся основой для выработки решений в отношении военнослужащих, имевших репутацию проблемных и неблагонадежных.

Источники и принятые сокращения

1. РГВИА — *Российский* государственный военно-исторический архив. Ф. 669. Оп. 1. Ед. хр. 4.

Литература

1. *200 лет на страже тишины и спокойствия : краткая иллюстрированная история внутренних войск МВД России* / авт.-сост. Н. Г. Сысоев [и др.]. — Москва : Новости, 2011. — 160 с.
2. *Аверьянов К. А.* История повседневности : проблема поиска и интерпретации источников / К. А. Аверьянов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : История России. — 2003. — № 2. — С. 10—12.
3. *Банникова Е. В.* Критерии повседневности : теоретико-методологические основы истории повседневной жизни / Е. В. Банникова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2011. — № 7-2. — С. 21—24.
4. *Бунин С. В.* Краткая история внутренних войск / С. В. Бунин, Ю. А. Марценюк. — Москва : На боевом посту, 2015. — 432 с.
5. *Колпаков П. А.* Дисциплинарные и правовые нарушения военнослужащих внутренней стражи Российской империи в XIX веке (по материалам из фондов РГВИА) / П. А. Колпаков // В мире научных открытий. — 2015 — № 3.6 (63). — С. 2674—2689.
6. *Колпаков П. А.* Становление Внутренней стражи Российской империи 1811—1816 гг. : историко-правовой аспект / П. А. Колпаков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 10-3 (50). — С. 95—99.
7. *Шюц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / А. Шюц. — Москва : Институт Фонда Общественное мнение, 2003. — 336 с.

Daily Service Activity of Inner Guard Officer in the Russian Empire in the Middle of 19th Century

© **Kolpakov Petr Aleksandrovich (2017)**, orcid.org/0000-0002-1600-9937, PhD student, Department of History, Moscow Aviation Institute National Research University (Moscow, Russia), 1kolpakov1@rambler.ru

The aims of this article are: (1) delineation of the categories of "casual" and "normal" based on the results of the study of archival materials documenting the daily activities of the Internal guard troops, particularly their disciplinary and legal violations; (2) identification of the characteristics of the daily activities of the internal troops of the Russian Empire in the following areas: staffing the army, maintenance of public order, officers'

interpersonal relations. To achieve the said goals, the methods of historical research are used: systemic and narrative. The author claims that minor breaches of the discipline and regulations by military personnel of Separate corps of Internal guards were everyday in nature, but the recurrence did not legalize them, that is they did not become the norm of behaviour. The activity of the Inner guard in ensuring public order, restriction of access of citizens to drinking establishments could bring losses to the owners of such establishments. It is noteworthy that abuse of authority by an officer of the Inner guard (Lieutenant Strizhevsky) in the implementation of such actions was suppressed only by military and civil authorities at the level of the governorate. The everyday nature of the practice of evasion of the population from military service through the conclusion of an unintended legal agreements with the officers who carried out the recruitment were noted. The interaction between the commanders of the internal troops of awareness on the personal qualities of military personnel, transferring from unit to unit, was identified.

Key words: internal troops; Internal guard; Separate corps of the Internal guard; recruits; history of everyday life; law enforcement; Military Ministry; public safety; Russian Empire; 19th century.

Material resources

RGVIA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv*. F. 669. Op. 1. (In Russ.).

References

- Averyanov, K. A. 2003. Istoriya povsednevnosti: problema poiska i interpretatsii istochnikov. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*, 2: 10—12. (In Russ.).
- Bannikova, E. V. 2011. Kriterii povsednevnosti: teoretiko-metodologicheskiye osnovy istorii povsednevnoy zhizni. *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, 7/2: 21—24. (In Russ.).
- Bunin, S. V., Martsenyuk, Yu. A. 2015. *Kratkaya istoriya vnutrennikh voysk*. Moskva: Na boyevom postu. (In Russ.).
- Kolpakov, P. A. 2015. Distiplinarnyye i pravovyye narusheniya voyennosluzhashchikh vnutrenney strazhi Rossiyskoy imperii v XIX veke (po materialam iz fondov RGVIA). *V mire nauchnykh otkrytiy*, 3.6 (63): 2674—2689. (In Russ.).
- Kolpakov, P. A. 2015. Stanovleniye Vnutrenney strazhi Rossiyskoy imperii 1811—1816 gg. : istoriko-pravovoy aspect. *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, 10/3(50): 95—99. (In Russ.).
- Shyuts, A. 2003. *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii*. Moskva: Institut Fonda Obshchestvennoye mneniye. (In Russ.).
- Sysoyev, N. G. 2011. 200 let na strazhe tishiny i spokoystviya: kratkaya illyustrirovannaya istoriya vnutrennikh voysk MVD Rossii. Moskva: Novosti. (In Russ.).